

ПОНИМАНИЕ ОБМАНА ДЕТЬМИ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 08-06-00027а).

Рассматривается понимание обмана как ключевого феномена модели психического, у 9-летних детей, воспитывающихся в условиях семейной депривации (детских домах). Понимание обмана в разных областях (знаний, эмоций и намерений), а также виды обмана (высказанный, по умолчанию, альтруистический, эгоистический, намеренный и ненамеренный) сравнивали с аналогичным пониманием обмана у детей того же возраста, растущих в семье. Было обнаружено, что дети, растущие в условиях семейной депривации, демонстрируют более слабое понимание обмана по сравнению с детьми того же возраста из семей. Дети из детских домов хуже распознают обман и меньше обманывают, что является показателем недостаточного развития модели психического.

Ключевые слова: понимание обмана; семейная депривация; модель психического.

Исследования, посвященные развитию детских знаний о психическом мире, проводятся в русле направления, именуемого «theory of mind», или «модель психического» [1]. Моделью психического («The Theory of Mind») называется способность понимать, что другие люди являются носителями собственных знаний, убеждений, чувств и эмоций, могут говорить правду, а могут лгать, обманывать других. Такая способность дает нам возможность понимать психическое других людей (убеждения, желания, намерения и т.д.) и прогнозировать их поведение. Модель психического рассматривается как целостная многоуровневая система репрезентаций ментальных феноменов, которая интенсивно совершенствуется в детском возрасте [2]. Ментальный феномен понимания обмана является одним из ключевых показателей уровня организации модели психического. М. Адэнзато и Р. Ардито утверждали, что модель психического является тем механизмом, без которого обман невозможен. Для того чтобы убедить другого поверить во что-то ложное, нужно представлять его убеждения [3].

Современные исследования понимания обмана в направлении модели психического преимущественно затрагивают изучение разных видов искаженного информирования (например, «белая ложь», «шутка») и индивидуальных способностей к обману, например, связанных с высоким баллом по шкале макиавеллизма; способы, которые используются детьми при распознавании обмана и собственном обмане; установки детей относительно возможных обманщиков; соотношение представлений о возможной успешности обмана и личной успешности распознавания. Большая часть исследований в парадигме модели психического сфокусирована на ментальных феноменах: убеждение, желание, намерение. Когда индивид знает, что другой хочет (желание) и что он думает (убеждение) о том, как достичь этого, индивид может предсказать его поведение (намерение). Исследователи в русле данного направления отмечают, что на протяжении дошкольного периода большинство нормальных детей демонстрируют бурно развивающееся понимание психического мира окружающих. Комплексное исследование генезиса модели психического на примере феномена понимания обмана детьми показало, что принципиальное изменение ментальных представлений о репрезентациях психического происходит в 6–7 лет [4]. Понимание обмана идет от недифференцированного, трудно распознаваемого в 5-летнем воз-

расте к дифференцированному, успешно обнаруживаемому детьми 11 лет.

Гетерохронность понимания обмана наблюдается в разных областях и видах обмана. Младшие дети называют обманом любой вид неверного информирования (эгоистический: ради собственной выгоды; альтруистический: ради блага другого; ненамеренный: случайный, без умысла; невербализованный; по умолчанию, а также правдивая информация). С возрастом сужается зона применения понятия. Первым успешно начинает распознаваться обман в области эмоций, появляются адекватные стратегии обнаружения обмана в области намерений. Несмотря на очевидный дефицит модели психического в младшем возрасте, 4-летние понимают обман и маркеры обмана в простых игровых ситуациях, что невозможно на данном уровне развития ментальной модели у 3-летних детей с нормальным развитием и у детей-аутистов даже 7-летнего возраста.

Таким образом, становление модели психического у детей от 3 до 11 лет можно представить как переход от уровня недифференцированных обобщенных репрезентаций психического к дифференцированной системе ментальных репрезентаций, который происходит в 6–7 лет, что позволяет понимать собственную внутреннюю организацию и психический мир Других людей. Изучение индивидуальных различий модели психического дает необходимую информацию о механизмах, лежащих в основе изменений понимания себя и Другого. Возрастающее внимание к индивидуальным различиям феноменов модели психического послужило стимулом для поиска причин этих различий, которые могут быть связаны также с особенностями социального опыта. Й. Пернер с коллегами обнаружили, что 3–5-летние дети, имеющие одного и более сиблингов, выполняют задания на ложные убеждения лучше, чем дети, растущие без братьев и сестер [5]. Дальнейшие исследования подтвердили наличие сотруднической игры между сиблингами, в которой старшие сиблинги воздействовали на младших, и это воздействие способствовало раннему развитию понимания убеждений и ментальных репрезентаций [6]. Семейный опыт подобного рода может быть очень важным из-за его связи с ролевой игрой: чем больше братьев и сестер, тем больше возможностей для ролевых игр, которые предоставляют контекст для изучения ментальных состояний [7]. Кроме того, дети, которые часто играют, больше обсуждают роли, трансформируют объекты и применяют в своих инсценировках слова, описываю-

шие ментальные феномены [1]. Можно предположить, что дети в детских учреждениях имеют похожие схемы общения и, следовательно, будут лучше справляться с заданиями на ложные убеждения. Однако в исследованиях особенностей психического развития детей в условиях семейной депривации авторы отмечают однообразие игровых контактов детей со сверстниками и их уплощенный эмоциональный фон. У детей из детского дома практически отсутствовало ролевое взаимодействие в игре, контакты сводились к конкретным обращениям, указаниям и замечаниям по поводу действий, были эмоционально бедными и ситуативными [8].

Цель нашего исследования состояла в изучение влияния семьи на становление модели психического, в данной работе изучалось понимание обмана как ключевого маркера модели психического в условиях семейной депривации. В исследовании приняли участие 24 ребенка 9 лет (12 мальчиков, 12 девочек), воспитывающиеся в детском доме. Результаты сравнивались с таковыми, полученными на выборке детей из семей в возрасте 9 лет [4]. Для оценки интеллектуального развития применялись тесты «Цветные прогрессивные матрицы Дж.К. Равена». Оценка умственного развития необходима для контроля нарушений интеллектуальных функций. Исследование понимания обмана детьми в условиях семейной депривации проводилось с помощью следующих четырех методик:

Методика «Опросник» состояла из трех частей.

Часть 1 была направлена на оценку определений, которые давали дети ситуации, содержащей преднамеренную дезинформацию. Ответы регистрировались исходя из 4 типов ответов: обман, синоним, оценка, затруднение.

Часть 2 подразумевала самостоятельное определение понятия «обман». Ответы регистрировались исходя из следующих типов ответов: затруднение, тавтология, оценка, пример, синоним, определение.

Часть 3 была направлена на сбор реальных историй, в которых ребенок обманывал сам и подвергался обману со стороны других лиц. Истории оценивались по следующим параметрам: вербализованность (вербализованный / невербализованный), мотив (достижение желаемого / избегание неприятностей / повышение статуса), пол обманщика / обманываемого (мужской / женский), возраст обманщика / обманываемого (старше / ровесник / младше), успех (успешен / не успешен). Анализировались признаки, которые подвергались контролю при собственном обмане и учитывались при самостоятельном распознавании обмана: слова (то, что сказано) / поведенческие проявления (улыбка, движение, взгляд, общее впечатление) / знания (абстрактные и конкретные знания, связанные с данной ситуацией) / контекст (особенности внешнего окружения, возникающие во время или после обмана) / индивидуальные особенности (личностные характеристики, пол и возраст; отождествление (предписание Другому своих собственных представлений).

Методика «Склонность к обману» была направлена на получение информации о склонности ребенка к обману в разных областях. Она состояла из девяти вопросов, три из которых относились к области знаний (фактические знания о себе, например: «Ты не всегда

ешь то, что тебе подают?»), три – к области эмоций (например: «Неприличная шутка может вызвать у тебя смех?»), три – к области намерений (например: «Собирался ли ты когда-нибудь сказать неправду?»). Инструкция содержала призыв честно ответить (да / нет). Отрицательный ответ оценивался как факт обмана. При обработке данных подсчитывались общая сумма таких ответов и их количество по изучаемым областям.

Методика «Распознавание обмана в разных областях» была направлена на оценку успешности распознавания обмана в области знаний, эмоций, намерений, а также на определение стратегий распознавания. Испытуемому предъявлялись правдивые и ложные утверждения, содержащие общие знания, изображения эмоций, намерения. Выделялись основной и дополнительный уровни предлагаемой информации. Основным уровнем составили четыре основных эмоции – радость, печаль, страх, гнев; дополнительный – эмоции отвращения, презрение, интерес-волнение, вина, удивление, стыд, а также нейтральное выражение лица. Для понимания знаний основным уровнем определялся количеством правильно определенных утверждений, необходимых для получения 11 баллов (из 20 баллов, возможных при оценке осведомленности в методике «Интеллектуальный тест для детей»), из вопросов которого были переформулированы утверждения, дополнительный уровень включал утверждения, правильное реагирование на которые фиксировало бы осведомленность выше середины нормы (от 12 баллов). Для понимания намерений: основным уровнем – с намерениями подарить, украсть, избежать наказания. Дополнительный – намерения с большей информационной нагрузкой. Ребенку в каждом случае нужно было самостоятельно определить, правда это или обман. Анализ проводился по следующим параметрам: количество ошибок при распознавании обмана; правды; основных знаний, эмоций, намерений; дополнительных знаний, эмоций, намерений; общее количество ошибок. Преобладание ошибок при распознавании обмана над ошибками при распознавании правды оценивалось как выбор стратегии принятия (это подразумевало склонность принимать предлагаемое за правду). Преобладание ошибок при распознавании правды над ошибками при распознавании обмана оценивалось как выбор стратегии отрицания (это подразумевало склонность видеть в предлагаемом обман). Выделялись еще две стратегии: адекватная (когда испытуемый правильно определял, где правда, а где обман) и смешанная (когда предыдущие стратегии представлены нечетко).

Определение и использование понятия «обман» в условиях семейной депривации. Ситуация обмана оказалась хорошо знакомой детям из детского дома, как и детям из семей. Оценка (методика «Опросник»), понятия «обман» показала, что синонимы преобладают над другими вариантами определения обмана у детей-сирот (83%, $p = 0,01$). В качестве синонима дети в детском доме чаще называют «вранье». «Вранье» – «не дезинформационный феномен, а коммуникативный: один из способов установить хорошие отношения с партнером, доставить своей выдумкой удовольствие себе и ему» [9. С. 54–65]. Дети из семьи чаще дают определения понятию «обман» (50%, при $p = 0,01$).

Результаты методики «Истории обмана» показали, что дети из детского дома чаще относили к ситуации обмана те, в которых присутствует компонент ненамеренности во всех областях, при этом ситуации ненамеренного обмана перестают считаться таковыми в первую очередь при становлении модели психического (у детей из семьи около 7 лет) (от 60–100% при $p = 0,01$). «Примерно до восьмилетнего возраста дети считают ложью любое ложное утверждение. Даже когда маленьким детям известно, что говорящий не собирался никого вводить в заблуждение, они все равно считают его лжецом, если он говорит нечто, не соответствующее действительности» [10. С. 7]. Также в большей степени, чем у семейных детей, обман приписывался ситуациям с альтруистическим компонентом в области знаний и намерений, что означает более слабое понимание обмана у детей в условиях семейной депривации по сравнению с детьми из семей, которые к этому возрасту уже отказываются считать обманом случаи, содержащие компонент альтруизма.

Представления о возможной успешности обмана в условиях семейной депривации. Способности к распознаванию обмана и адекватному представлению о его возможной успешности отражают развитие модели психического. При оценке успешности разных видов дезинформирования в разных областях (методика «Истории обмана») обнаружилось, что депривированные дети верят, что эгоистическое сокрытие во всех областях, альтруистическое и ненамеренное сокрытие в области знаний и намерений, внешне не проявленное сокрытие в области эмоций могут быть успешными и не допускают неудачи. Это свидетельствует о более слабых способностях к распознаванию обмана у детей из детского дома. Испытуемые способны приписать герою истории ложные убеждения, однако не могут смоделировать обратную ситуацию, когда герой истории не поверит в предлагаемую правду (в области знаний, намерений), в отличие от детей из семей ($p = 0,01$). Семейно депривированные дети не допускали ситуации неуспеха в тех случаях, когда выступали как обманщики и как обманываемые со стороны других лиц, в отличие от детей из семей (методика «Опросник», $p = 0,01$). При оценке успешности распознавания обмана в разных областях и определения стратегий распознавания оказалось, что депривированные дети значительно хуже распознавали обман в области знаний, что отчасти может быть объяснено как следствие ограничения изменчивости социальной среды, которое, в свою очередь, не способствует эмоциональному и интеллектуальному развитию ребенка в раннем детстве.

При оценке способности к распознаванию обмана в области намерений: такие намерения как подарить, украсть, спастись от наказания дети из детских домов распознавали хуже, чем дети из семей. Дети из детских домов хуже распознавали лицевые экспрессии в области дополнительных эмоций (отвращение, презрение, интерес-волнение, вина, удивление, стыд), более сложных по сравнению с основными эмоциями (радость, печаль, страх, гнев). Основные эмоции депривированные дети распознавали гораздо лучше, чем дети из семей, что может рассматриваться как необходимость адаптации к среде детского дома (90% при $p = 0,01$).

Способы и признаки распознавания обмана в условиях семейной депривации. При анализе способов распознавания обмана были выделены две стратегии: неадекватная (всегда принимать или всегда отрицать предлагаемую информацию) и адекватная (когда испытуемый правильно определял, где правда, а где обман). Обнаружилось, что депривированные дети чаще выбирают смешенную стратегию при распознавании обмана в области эмоций, т.е. они часто выбирают ответ на незнакомый вопрос ситуативно (4% использовали адекватную стратегию, $p = 0,01$). Стоит отметить, что дети из семей уже с 7 лет используют адекватную стратегию, причем раньше всего в области эмоций. Результаты наблюдения за поведением детей в детском доме свидетельствуют об их повышенной зависимости от окружения. Неспособность сосредоточиться на каком-либо занятии, планировать свои действия, двигательная расторможенность, импульсивность проявляются в самых разных моментах их жизнедеятельности. Однако в сфере знаний доминирует стратегия отрицания правды. Это приводит к тому, что незнакомая информация, даже правдивая, чаще всего будет отвергаться. Было выявлено 5 утверждений (из 16), в которых депривированные дети чаще ошибались. 3 утверждения содержали правдивую информацию, которая отрицалась. (У собаки 4 ноги; Чтобы вода закипела, ее нужно нагреть; Город Санкт-Петербург основал Петр I.) Интересно, что эти утверждения – очень простые, и их отрицание, возможно, вызвано демонстративностью или подозрительностью, свойственной детям из детских домов (ожиданием подвоха). В области намерений в использовании стратегий значимых различий обнаружено не было. При понимании обмана дети из детского дома редко использовали признаки обмана (слова, поведенческие проявления, знания, контекст, индивидуальные особенности). Депривированные дети считают, что обман всегда высказан. Но они никогда, в отличие от детей из семей, не используют индивидуальные особенности для определения возможного обманщика: плохой–хороший, добрый–злой, пол человека, его возраст. Для детей из детского дома данные признаки не актуализировались. Они относятся к ситуациям более осторожно, доверяя прежде всего себе (своим знаниям) ($p = 0,01$).

Самостоятельное использование обмана в условиях семейной депривации. Самостоятельный обман и его распознавание выявляют проблемные зоны развития модели психического. При оценке личной склонности к обману (методика «Склонность к обману») были зафиксированы различия в тех случаях, когда дети выступали как обманщики и как жертвы обмана со стороны других лиц. Дети из детских домов чаще рассказывали истории, в которых обман со стороны представлялся как вербализованный (проявленный), в то время как в рассказах детей из семей обман мог быть и по умолчанию. Умолчание по отношению к себе дети из детских домов тоже считают обманом. В историях, рассказанных детьми, они чаще всего обманывали ровесников, обманщиками оказывались лица мужского пола. Обманывать самому и оказываться жертвой такого поведения приходилось, чтобы добиться желаемого или избежать неприятностей; самой

предпочтительной областью обмана оказывалась область знаний, значимо меньше приводились примеры из области намерений. Для детей из семьи взаимоотношения с матерями имеют повышенную значимость, для детей из детского дома наибольшую значимость имеет собственное умение ловко приспособиться к ситуации [8].

Преодоление трудных ситуаций – острая проблема в детских учреждениях – ориентирует детей на персонал, который состоит преимущественно из лиц женского пола, его-то и нужно обманывать. Дети же выбирают обманщика мужчину, что характерно для 11-летних детей из семей, может быть, потому, что именно женский персонал учит детей образу «активного», «рискованного» мужчины, который может обмануть. В детском доме ребенок постоянно общается с достаточно узкой группой сверстников, причем он сам не может предпочесть ей какую-либо другую группу, что доступно любому ученику обычной школы; одновременно он не может быть и исключен из нее. Мотивы повышения статуса и получения желаемого являются основными как в ситуации обманывающего, так и в ситуации обманываемого. Параметры обмана не просто описывают трудности, которые возникают у детей в условиях семейной депривации. Сами затруднительные ситуации, вызывающие обман, несут для ребенка важную информацию: «Особое значение для понимания ребенком смыслов и норм человеческих отношений и выработки своих собственных смыслов имеют реальные, в том числе напряженные конфликтные ситуации, экстремальные или близкие к экстремальным социальные события и взаимодействия, свидетелем или участником которых становится ребенок» [11]. Дети из семьи проявляют особую склонность к обману в области намерений, а для депривированных детей эта область оказалась несущественной, они в меньшей степени склонны к обману (более низкое количество баллов по методике «Склонность к обману» (по шкале лжи) во всех обла-

стях и в целом). Возможно, это происходит под влиянием особенности развития личности ребенка, оставшегося без родителей (в этом возрасте: наличие негативной Я-концепции, при неустойчивости которой возникает так называемый дискомфорт успеха, когда ему бывает неуютно и даже неприятно, что его хвалят). Результаты работы позволяют сделать следующие **выводы**.

Дети, выросшие в условиях семейной депривации, обнаруживают дефицит модели психического при распознавании обмана. Они затрудняются дать определение понятию «обман», прибегая к синонимам, относя к обману и альтруистический (ложь во спасение), и ненамеренный обман; считают ситуации обмана всегда успешными и не допускают неудачи.

Обманывают дети чаще всего ровесников, для того чтобы добиться желаемого или избежать неприятностей, а бывают обмануты (по их рассказам) чаще всего лицами мужского пола, на что, возможно, влияет отсутствие авторитетной и значимой фигуры отца.

Значительно хуже распознают обман в области знаний, отвергая правдивость даже самых простых утверждений. Они неуспешны в распознавании неверно названных эмоций (отвращение, презрение, интерес-волнение, вина, удивление, стыд), но в области базовых эмоций (радость, печаль, страх, гнев) проявляют верное распознавание. Они хуже распознают обман в области простых, базовых намерений (подарить, украсть).

Представления о характеристиках человека, которые могут помочь в определении обмана, таких как: хороший, плохой, злой человек, его пол и возраст, – признаки, часто используемые при распознавании обмана у детей из семей, для детей из детского дома оказались практически не актуализованы, поскольку они относятся к людям более осторожно, доверяя скорее себе (своим знаниям).

Полученные результаты позволяют предположить, что дефицит в понимании обмана, ключевого феномена модели психического, связан с семейным опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергиенко Е.А. Когнитивное развитие // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: PerSe, 2003.
2. Сергиенко Е.А. Когнитивное развитие // Когнитивная психология: Учеб. / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: PerSe, 2002.
3. Adenzato M., Ardito R.B. The role of theory of mind and deontic reasoning in the evolution of deception // Proceedings of the Twenty-First Conference of the Cognitive Science Society. Mahwah, 1999. P. 7–12.
4. Герасимова А.С. Понимание обмана детьми: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
5. Perner J. Understanding the representational mind. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1991.
6. Dunn J. Children's relationships: Bridging the divide between cognitive and social development // Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied disciplines. 1996. № 37. P. 507–518.
7. Leslie A.M. Pretense and representation: The origins of «theory of mind» // Psychological Review. 1987. № 94. P. 412–426.
8. Дубровина И.В., Рузская А.Г. Психическое развитие воспитанников детского дома. М.: Педагогика, 1990.
9. Знаков В.В. Классификация психологических признаков истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 2. С. 54–65.
10. Экман П. Почему дети лгут? М.: Педагогика-Пресс, 1993.
11. Подьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2000. С. 118.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 8 сентября 2009 г.